

УДК 398.224(=512.31)

DOI 10.25587/SVFU.2022.30.42.001

Н. Н. Николаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

УЛИГЕРЫ О НЕБЕСНОМ ОХОТНИКЕ ХУХЭДЭЙ МЭРГЭНЕ В ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ

Аннотация. Бурятские эпические сказания о Хухэдэй Мэргэне выделяются в ряду других улигеров своим героем, известным по всей Сибири и Центральной Азии, одним из древних и старших героев бурятского эпоса, предшествовавшим Абай Гэсэру. Актуальность и новизна исследования состоят в подробном рассмотрении эпических сюжетов с этим персонажем, ранее неопубликованных и практически не упоминавшихся в работах исследователей. Цель данной работы – дать обзор эпическим сюжетам о Хухэдэй Мэргэне, используя методы сравнительно-сопоставительного анализа, выявить общие черты, характерные сюжетно-мотивные особенности. Мифологический образ Хухэдэй Мэргэна у западных бурят сконцентрировал в себе черты охотника, первопредка, почитаемого охотничьего и военного божества и бога-громовника. Однако мифологическая ипостась Небесного Охотника не реализуется в эпических сюжетах. В эпической традиции Хухэдэй Мэргэн раздваивается, выступая в роли громовника и героя-богатыря (иногда в одном и том же улигерном сюжете) и, по мнению исследователей, является прототипом героя-божества, содержащим в себе концепт сына неба, характерный для центральноазиатской фольклорно-мифологической традиции, ярчайшим представителем которого стал Гэсэр. Улигеры о Хухэдэй Мэргэне, записанные у боханских, кудинских и унгинских бурят, свидетельствуют о том, что этот персонаж был популярен и распространен у всех групп западных бурят. Основные сюжетные линии этих улигеров мало чем отличаются друг от друга, но разные предыстория и финал задают повествованиям различное восприятие. Улигер «Хухэдэй Мэргэн» представляет ранний тип улигеров о героическом сватовстве, сохранив мифологического героя-одиночку, в котором сконцентрированы черты первопредка, культурного героя и идеализированного члена патриархально-родового коллектива. Сюжеты разных вариантов «Хухэдэй Мэргэна» и «Хухосэй Мэргэна» сохранили свое древнее «ядро», сконтаминировавшись с сюжетами о воинских подвигах, и именно на их основе можно сделать заключение о трансформации мифологических образов, смене героев, усложнении и циклизации эпических сюжетов.

Ключевые слова: буряты; героический эпос; мифология; астральные мифы; шаманизм; сюжет; мотив; Небесный Охотник; громовник; Гэсэр.

N. N. Nikolaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

Epics about sky hunter Huhedej Mergen in the epic tradition of the Western Buryats

Abstract. The Buryat epics about Huhedej Mergen stand out among other uligers with their hero known throughout Siberia and Central Asia, one of the ancient and senior heroes of the Buryat epic preceded Abaj Geser. The relevance and novelty of the study is in the detailed consideration of epic stories with this character

НИКОЛАЕВА Наталья Никитична – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

E-mail: natanika80@mail.ru

NIKOLAEVA Natalia Nikitichna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Literature and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Ulan-Ude, Russia.

E-mail: natanika80@mail.ru

previously unpublished and practically not mentioned in the works of researchers. The purpose of this work is to give an overview of the epic stories about Huhedej Mergen using the methods of comparative analysis to identify common features and specific plot-motif features. The mythological image of Huhedej Mergen among the Western Buryats concentrated the features of a hunter, an ancestor, a revered hunting and military deity and a thunder god. However, the mythological hypostasis of the Sky Hunter is not realized in epic stories. In the epic tradition Huhedej Mergen splits into two acting as a thunderer and a hero (sometimes in the same uliger plot) and according to researchers he is a prototype of a hero-deity containing the concept of the son of heaven characteristic of the Central Asian folklore and mythological tradition, the brightest representative of which is Geser. Uligers about Huhedej Mergen recorded among the Bokhan, Kuda and Unga Buryats indicate that this character was popular and widespread among all groups of Western Buryats. The main storylines of these uligers are not much different from each other but different background and ending give the narratives a different perception. Uliger *Huhedej Mergen* represents an early type of uligers about heroic matchmaking, retains the mythological lone hero in which the features of the first ancestor, the cultural hero and the idealized member of the patriarchal tribal team are concentrated. The plots of different versions of *Huherdej Mergen* and *Huhosej Mergen* retained their ancient “core” having become contaminated with stories about military exploits and it is on their basis that one can draw a conclusion about the transformation of mythological images, the change of heroes, the complication and cyclization of epic stories.

Keywords: Buryats; heroic epic; mythology; astral myths; shamanism; plot; motif; Sky Hunter; thunderer; Geser.

Введение

Имя Небесного Стрелка Хухэдэй Мэргэна в разных его вариантах – Хухэдэй, Хүхэлдэй, Хүхэрдэй, Хүхээсэй, Хүхөөсэй, Хөхөөдэй, Көгелдей, Көгүтей, Көкөдө, Көгюдэй, Кокодей, Коголдей и т. д. – распространено в мифологии и эпосе многих народов Сибири и Центральной Азии. Но только у монголоязычных бурят и тюркоязычных алтайцев и тувинцев имеются и мифологические представления, и довольно крупные эпические повествования, связанные с этим персонажем. Компоненты его имени в бурятском языке обычно интерпретируются следующим образом: *хүхэ* (*диал. хөхэ*) от *др.-тюрк. kök*, одним из основных значений которого является ‘небо’; *-дэй* (*-дай*) – аффикс обладания каким-либо признаком или свойством, отношения к чему-либо, часто образующий имена собственные [1, с. 100]; *мэргэн* ‘меткий стрелок’. Поэтому в литературе его часто называют Небесным Стрелком, Небесным Лучником или Небесным Охотником.

Мифологические представления о Хухэдэй Мэргэне как Небесном Стрелке или Небесном Охотнике рассмотрены в работах С. Ю. Неклюдова [2; 3]. Н. Н. Поппе причислял Хухэдэй Мэргэна к шаманским божествам эпоса и указывал, что он хранит души героев [4, с. 7]. В эхирит-булагатской версии «Гэсэра» Хухэдэй Мэргэн *тэнгрий* предстает одним из покровителей Гэсэра и, очевидно, его небесным отцом. Несмотря на то, что «официальным» отцом Гэсэра числится Хан Хермос, герой обращается с просьбами не к нему, а к Эсэгэ Малану с женой Эхэ Юрэн и Хухэдэй Мэргэну с женой Хултэй хатан, именуя их *баабай* ‘бабушка’ и *шибии* ‘матушка’ [5, с. 46–47].

По мнению А. И. Уланова, Хухэдэй Мэргэн представляет собой архетип древнего героя, предшествовавшего Гэсэру, поскольку ему не нужно перерождаться на Земле. Ученый отмечал, что о древности героя говорит и то, что в одном улигере может быть два Хухэдэя. И поскольку Хухэдэй Мэргэн связан с небом и небесными явлениями, то он чаще встречается в отдельных эпизодах улигеров, тогда как самостоятельных улигеров о нем мало, и фактически он вытеснен более поздними героями [6, с. 78–79]. Ц. Жамцарано считал, что к первым великим героям, которых можно назвать богоподобными или даже богами, относятся Гэсэр, Хухэдэй Мэргэн и Буху Хара хубун (герой одноименного улигера знаменитого эхирит-булагатского сказителя М. Имегенова). При этом улигеры о Гэсэре и Хухэдэй Мэргэне относятся к одному типу,

поскольку миссии Абай Гэсэра и Хухэдэй Мэргэна близки¹ [7, с. XIX–XX]. Этой же точки зрения придерживается Б. С. Дугаров: «В мифологическом контексте эхирит-булагатской версии Гэсэриады Хухэдэй Мэргэн как эпический герой закодирован под именем Гэсэра... В эпосе подчеркивается, что подлинным родителем Гэсэра является Хухэдэй Мэргэн баабай или Хухэдэй Мэргэн тэнгри. Следует также иметь в виду, что имя Гэсэра имеет, скорее всего, нарицательный смысл, а сам Гэсэр – небожитель, вторично родившийся на земле, образ целиком мифический. Стало быть, в лице Хухэдэй Мэргэна / Гэсэра мы видим образ бога-героя, имеющего евразийские параллели... Хухэдэй Мэргэн – единственный из бурятских тэнгриев, чья функция бога-громовника заключается в уничтожении нечистой силы на земле, для чего им используется его небесное оружие – молния. Последняя функция архетипически характеризует Хухэдэй Мэргэна как бога-героя, обретшего в эпической интерпретации статус божественного воителя, наделенного демоноборческой миссией. Здесь произошло своего рода сгущение теологической концепции в мифологическом герое... Эта функция богатыря, истребителя сил Зла, совершающего подвиги во имя благополучия своего рода-племени, составляет ядро образа небесного героя – прототипа Гэсэра на бурятской улигерной почве, содержащего концепт сына неба, присущий центрально-азиатской фольклорно-мифологической традиции» [8, с. 62–63].

Хухэдэй Мэргэн, таким образом, привлекал внимание уже в самых первых исследованиях бурятского эпоса и получил довольно глубокое освещение как мифологический герой. Но при этом, определяя его генезис и функции, исследователи редко упоминали и практически не рассматривали сюжеты улигеров, в которых он выступал как самостоятельный персонаж со своей эпической биографией, окружением и атрибутами. Цель данной работы – дать обзор эпическим сюжетам о Хухэдэй Мэргэне, рассмотреть их в сравнительно-сопоставительном плане. Материалом выступили неопубликованные тексты улигеров, хранящиеся в архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ)², а также тексты, изданные в подробном описании на русском языке [9, с. 369–390].

Хухэдэй Мэргэн в астральной и шаманской мифологии западных бурят

В мифологии многих народов Сибири, и у бурят в том числе, с Небесным Охотником напрямую связан сюжет астрально-этиологического характера – о происхождении созвездия Орион или трех звезд, составляющих Пояс Ориона [10, с. 11], и звезды Сириус. Согласно мифологическим нарративам, охотник (один или с собаками и с конем) гонится за тремя маралухами (или маралухой и двумя ее детенышами) и вслед за ними взбирается на небо. По одним вариантам, он не попадает в них, по другим – сражает всех трех одной стрелой, и все они остаются на небе. Три звезды в Поясе Ориона – Минтака, Альнилам и Альнитак – представляются маралухами, от этого и название созвездия «Три Марала» (*бур.* Гурбан Марал, *алт.* Ёч Мыйгак, *тув.* Үш Мыйгак). Бетельгейзе или три звезды под Поясом, составляющие астеризм под названием Меч Ориона, представляются окровавленной стрелой. Иногда звезды Меча Ориона – это собаки охотника. Сам охотник нередко отождествляется с ярким Сириусом. У некоторых групп бурят, халха-монголов и ойратов Сириус так и назывался – звездой Хухэдэй Мэргэн (*Хүхэдэй одон, Хөхөдэй Мэргэн од*) [11, с. 670]. Также у монголов Хөхөдэй называлось созвездие Пса, а две звезды в созвездии Малой Медведицы считались его двумя соловыми конями, привязанными к Золотому Колу – Полярной звезде [1, с. 100; 11, с. 669]. В мифах алтайцев Кёгютей предстает и простым охотником из рода тёлё, истребившим всех зверей и птиц на Алтае, от которого спаслись лишь три маралухи, став звездами, и богатырем – избавителем людей от звезд, превратившихся в животных, сошедших на Землю и пожирающих людей [12, с. 107]. У тувинцев охотник

¹ Ц. Жамцарано ошибочно полагал, что улигеры о Хухэдэй Мэргэне утрачены [19, с. XX], что вызывает недоумение, так как одним из его информантов был Лазарь Бардаханов, от которого позднее С. П. Балдаев записал улигер «Хүхөрдэй Мэргэн».

² Далее – ЦВРК ИМБТ СО РАН.

назван Оскус-оолом, т. е. Парнем-сиротой, но сюжет о погоне за тремя маралухами и поднятием за ними на небо идентичен бурятским и алтайским сюжетам [13, с. 43]. У якутов с созвездием Ориона также связывались представления об охотнике, но с вариацией сюжета: безымянный охотник представлялся тунгусом, охотившимся за лосем, но обессилевшим и погибшим от голода вместе со своей собакой. Его душа превратилась в звезды [14, с. 237].

У бурят астральные мифологические мотивы, связанные с охотником Хухэдэй Мэргэном, не пересекаются с эпическими. В бурятских улигерах Хухэдэй Мэргэн предстает как божество-громовник или земной богатырь без привязки к мифу о погоне за маралухами. Тогда как, например, в алтайском эпосе «Маадай-Кара» богатырь Когюдей-Мерген, сын Маадай-Кара, совершает ряд подвигов, уничтожает враждебного хана, захватившего его земли и угнавшего народ в рабство, одолевает даже самого владыку подземного царства Эрлик-бия, и под конец своей земной жизни они вместе с супругой Алтан-Кюскю превращаются в звезды и улетают на небо: семь звезд Большой Медведицы – семь Когюдей-Мергенов, едущих на свадьбу, Полярная звезда – Алтын-Кюскю [15, с. 436].

У алтайцев и бурят Хухэдэй Мэргэн был почитаем и как первопредок. В шаманских призываниях бурят его именовали Хухэдэй Мэргэн батюшка (*Хүхэдэй Мэргэн баабай*), а его жену – Хултэй ханша матушка (*Хүлтэй хатан ийбии*) [16, с. 239, 245].

На связь с охотничьими культами, по мнению исследователей, указывает компонент его имени «мэргэн». От покровителя охотников Хухэдэй Мэргэн стал покровителем и воинов, получив дополнительные функции военного божества, поскольку в древности облавные охоты (*зэгэтэ аба*), собиравшие огромное количество участников из разных родов и племен, служили для предков бурят не просто источником для добычи пропитания, но и представляли собой своего рода военные смотры, отработку боевых маневров, проверку готовности к военным действиям [17, с. 150].

В шаманском мифологическом пантеоне бурят Хухэдэй Мэргэн занимал не последнее место. Например, у эхиритов Хуходэй Мэргэн (*Хүхөөдэй Мэргэн*) считался главой семидесяти семи северных (или задних) *тэнгриев*, т. е. небесных божеств (*далан долоон ара тэнгэри*) [18, с. 92; 19, с. 13]. Однако сведения, касающиеся его происхождения, разнятся. Так, например, считалось, что Хухэдэй Мэргэн был одним из сыновей Оёр Мунхын *тэнгрия*, олицетворявшего синий небесной свод (*Оёор Мунхын тэнгэри* букв. 'Небо Вечное Дно') [16, с. 239], либо третьим сыном верховного божества Эсэгэ Малан батюшки (*Эсэгэ Малаан баабай*) [20, с. 56]. Связь с небом, безусловно, закодирована в самом имени Хухэдэй. Как указывает Б. С. Дугаров, «форма "Хухэдэй" есть результат персонификации понятия "неба" как имени собственного, связанного с концептом божества неба» [8, с. 60].

По другим данным, кудинские буряты считали, что Хухэдэй Мэргэн был обычным земным человеком, хорошим охотником и метким стрелком, у него была жена и трое сыновей. Он дожил до глубокой старости и однажды сказал сыновьям, что его жизнь на Земле подошла к концу. Он простился с семьей и уехал на своем коне. Добравшись до места развилки трех дорог, он выбрал среднюю и пустился по ней. Ему встретился пустой дом, и он вошел в него. Спустя некоторое время приехали четыре молодых человека, которые радушно приняли его как гостя и оставили стеречь дом. На следующий день они уехали, запретив Хухэдэй Мэргэну открывать большой ящик и надевать крылатые одежды. Но Хухэдэй Мэргэн нарушил запрет – открыл ящик и увидел в нем разноцветные граненые камни, напоминающие наконечники стрел. Вместе с тем он получил чудесную способность знать и видеть все, что делается на земле, и заметил, как один человек крал в чужом огороде картофель. Он рассердился, пустил в вора красным камнем и запер ящик. Вернувшиеся хозяева упрекнули его, заметив, что из-за одного плохого человека он сжег целый город. Хухэдэй Мэргэн попробовал отрицать свою вину, но молодые люди заявили, что они знают все, что делается на Земле, так как каждый день обходят ее. На следующий день они опять удалились, повторив свой запрет. Хухэдэй Мэргэн вновь не послушал их, надел

крылатые одежды и полетал по дому. Хозяева вернулись и сказали, что он ослушался, и если бы вылетел из дома, то уничтожил бы всех людей на Земле. Однако, несмотря на нарушение запретов, они все же сделали его хранителем грома (ящика с камнями), приказав производить гром только по распоряжению божеств-*тэнгриев* – поражать злых духов и грешных людей [16, с. 245–246]. Почти идентичный рассказ о Хухэдэй Мэргэне был записан С. П. Балдаевым у балаганского бурята Абана Ишигенова [21, л. 2–4]. В обоих текстах сохраняются древние представления о Хухэдэй Мэргэне как охотнике и лучнике и объясняется становление его как громовника.

Основной и наиболее известной ипостасью Хухэдэй Мэргэна была ипостась божества-громовника, уничтожающего своими молниями и громом злых духов, которые вредят людям на Земле. Хотя, по мнению некоторых исследователей, громовнику Хухэдэй Мэргэну у бурят предшествовал верховный бог творец и громовержец Айа (*Ай Хайрхан*), имплицитные представления о культе которого сохранялись в некоторых обрядах и обрядовых песнях [22, с. 218]. При этом у бурят существовали и другие божества-*тэнгрии*, распоряжающиеся молниями, громом и грозами. Так, у части тех же кудинских бурят громовником был Сарь Саган *тэнгри*, низводящий белую молнию (*Сарь Сагаан тэнгэри Сахилгаата Буудал*), а Хухэдэй Мэргэн был его помощником (или братом) [16, с. 239]. Как божество молний существовал Сахилган *тэнгри* (*Сахилгаан тэнгэри*) или Сахилган Саган *тэнгри* (*Сахилгаан Сагаан тэнгэри*) [19, с. 14; 22, с. 56]. У балаганских бурят считалось, что гром и молнию могли производить различные злые и добрые *тэнгрии*, и в том числе даже водные хаты (*уһан(и) хат* – божества водной стихии низшего ранга, потомки высших *тэнгриев*), а стрелы-молнии разных *тэнгриев* различались по цветам – могли быть желтыми, белыми, синими [16, с. 240, 244–246, 335–336, 338–339].

С. П. Балдаев, подытоживая, очевидно, собранные им сведения, писал, что Хухэдэй Мэргэн имеет свой особый «штат», который ведаёт дождем, снегом и небесными стрелами. В его присутствии (т. е. присутственном месте, канцелярии) стоят девяносто девять бочек, наполненных водой. Если открыть бочки, стоящие по правой стороне, то на Земле идет дождь. Если открыть бочки с левой стороны – идет снег. Хухэдэй Мэргэн наблюдает за жизнью людей на земле через особые зеркала-*толи* разной величины и разного значения. Если он увидит человека, который причиняет людям зло, то пускает в него стрелу [17, с. 207].

Интересно отметить, что у алтайцев и тувинцев Хухэдэй / Кёгутэй / Кёгелдэй, по всей видимости, не связывался с громом и молнией и не имел отношения к божествам грозы. В. П. Дьяконова пишет, что «по представлениям тувинцев, гром и молнию производило драконоподобное существо *улу*, среди западных тувинцев молния посылалась с неба Хормусту-Тост-Кара-Тенгри. Молний и грома очень боялись, воздействие их на людей и животных объясняли их плохими поступками по отношению к небу. У алтайцев не имеется конкретного персонажа, ведавшего громом и молниями» [23, с. 185]. У западных бурят, напротив, поражение человека молнией считалось своего рода избранничеством небес. Такого человека хоронили как шамана, и он становился основоположником нового шаманского рода. Во время грозы говорили, обращаясь к небу: «Бурхан баабай, намай нэрье» ‘Батюшка бурхан, меня порази [молнией]’, что объяснялось тем, что злые духи, боясь грома и молний как гнева *тэнгриев*, крутятся вокруг людей, пытаясь спрятаться, а этими словами, призывая божеств поразить его, человек как бы отгоняет их от себя. Представления о драконе или подобном существе, «производителе грозы», также известны и распространены у монгольских народов еще с XIV в. [3, с. 175]. По мнению С. Ю. Неклюдова, Небесный Охотник, ставший божеством-громовником и метателем молний, представляет собой диалектное и довольно позднее явление [3, с. 156].

По всей видимости, Хухэдэй Мэргэн – божество в большей степени кудинских бурят, поскольку именно у них зафиксированы разные варианты представлений о нем – как о земном человеке, как о громовнике, как о предводителе *тэнгриев* и покровителе охоты. Эпический персонаж Хухэдэй Мэргэн, очевидно, был также более распространен в эпосе кудинцев, нежели унгинцев, аларцев, осинцев или боханцев.

Улигеры о Хухэдэй Мэргэне – предшественнике Абай Гэсэра

Рассмотрим улигер «Хухэдэй Мэргэн»¹, записанный известным бурятским ученым, одним из лучших знатоков и специалистов по бурятскому фольклору и этнографии, неутомимым собирателем Сергеем Петровичем Балдаевым со слов сказителя Ботороя Болдоновича Болдонова в январе 1941 г. в улусе Баянгаза Ользонского булука Эхирит-Булагатского аймака Иркутской области². Текст улигера хранится в личном фонде С. П. Балдаева в ЦВРК ИМБТ СО РАН в двух экземплярах [24; 25]. Экземпляр под инв. № 266 представляет собой рукопись на 58 листах. Рукописный текст записан чернилами на плотной желтоватой бумаге и так же, как и в случае с первым улигером, очевидно, переписан набело собирателем с полевой записи. На первом листе дается название улигера, на последнем – указаны сведения о сказителе, времени и месте записи, краткие сведения о самом собирателе, а также карандашом подписано приблизительное количество стихотворных строк. Сведения и заметки о характере исполнения улигера отсутствуют. Второй экземпляр под инв. № 264 – это машинопись на 88 листах, вероятно, произведенная самим собирателем. В этом экземпляре сведения о сказителе, месте, времени и характере исполнения улигера отсутствуют. В паспорте архивного дела указано, что улигер записан С. П. Балдаевым со слов неизвестного информанта в 1941 г. При сличении обнаружена идентичность машинописи с рукописным текстом.

Этот улигер представляет собой ветвь Гэсэриады, на что однозначно указывают песни *угталга* («встреча улигера») и *сэг даралга* (песни-«связки»), а также небесный пролог, повествующий о столкновении небожителей из-за дочери Сэгэн Сэбдэг *тэнгрия* красавицы Сэсэг Ногон, сражении Хан Хурмас *тэнгрия* с Атай Улан *тэнгрием* и причине спуска Абай Гэсэра и Хухэдэй Мэргэна на Землю. Спустившись, Гэсэр рождается у престарелых родителей, Хухэдэй Мэргэн – у невинной девушки. Основная часть улигера посвящена героическому сватовству и женитьбе. На пути к невесте Хухэдэй Мэргэн побеждает и становится побратимом с огромной собакой Гуниг, хозяйкой земных просторов и вод (доместикация собаки); стреляет в демоническую девицу, оскверняющую небеса; помогает собаке Гуниг одолеть Архан шудхэра, чудовище, заглатывающее солнце и луну. После свадьбы на дочери Солнца герой выполняет поручения тестя Наран Гэрэл хана (*букв.* «Хан Солнечный свет») – уничтожает огромного таежного тигра-людоеда и чудовищную женщину-хагшá, также пожирающую людей и животных; вновь помогает собаке Гуниг в борьбе с ее врагом – громадным змеем Абаргá; приносит перо птицы Хан Хэрдэг и спасает ее дочерей от чудовища Милá (*бур.* «чума»). Только после успешного выполнения поручений он отправляется в родные края вместе с женой. Но не довезя жену до родных земель, Хухэдэй Мэргэн приезжает вперед нее и обнаруживает, что все его имущество увез Лобсоголдой мангадхái. Он едет в его земли и узнает по пути от небесных сестер Гэсэра, что тот превращен в осла, а на помощь ему спускаются небесные богатыри – брат Засá Шухэр и Согтó Мэргэн. Хухэдэй Мэргэн возглавляет войско Гэсэра и помогает одолеть Лобсоголдой мангадхая. Одолев врага и забрав его имущество, они возвращаются в свои земли. При этом нет упоминаний о жене Хухэдэй Мэргэна, о его матери, вероятно, бывшей в плену у чудовища. Этот финал в какой-то мере нарушает логику повествования, так как собственная биография Хухэдэй Мэргэна не получает полного завершения. Основная сюжетная линия, посвященная сватовству героя, вероятно, составляет изначальное «ядро» повествования, в котором сохраняются практически все архаичные мотивы и персонажи эхирит-булагатского эпоса. Более подвижный и восприимчивый к заимствованиям пролог и второй «круг», в которых разворачиваются события Гэсэриады, представляют собой более поздние контаминации. Собственно, подобный сюжет как раз и является доказательством смены героя ранней формации более поздним и в то же время очевидной циклизации эпических сюжетов вокруг имени Гэсэра, считавшегося самым могучим богатырем улигеров.

¹ Далее – «Хухэдэй Мэргэн».

² По современному административному делению – д. Баянгазуй Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

Сергей Петрович записал еще один вариант улигера от другого сказителя из этой же местности, Лазаря Бардаханова. Этот текст имеет название «Хүхөрдэй Мэргэн (Гэсэри ехэ баатар)»¹ и также имеется в двух экземплярах [26; 27]. Уже в названии обозначено, что это ветвь «Абай Гэсэра». Сюжет этого улигера очень близок «Хухэрдэй Мэргэну» Болдонова. Здесь также описан конфликт небожителей, и Гэсэр и Хухордой Мэргэн спускаются на Землю. Отличия есть, но они в целом незначительны. Наверное, самым существенным отличием является ссора Хан Тюрмас *тэнгрия* и Атай Улан *тэнгрия* не из-за дочери Сэгэн Сэбдэга, из-за которой скинут на Землю старший сын Атай Улана, а из-за самого Сэгэн Сэбдэг *тэнгрия*. Часто упоминается, что Хан Тюрмас веселился у Эхэ Юуран и все время был пьян; более полно и детально описаны собрания и прения небожителей, решающих, кому нужно спуститься на Землю; поверженный Атай Улан на Земле превращается в Араха *шудхэра* и Гал Дулмо хана и т. д. «Хухордой Мэргэн» Лазаря Бардаханова практически дублирует «Хухэрдэй Мэргэна» Боторя Болдонова, дополняя его в мелких деталях, но, к сожалению, на месте, где Хухордой Мэргэн в образе старика направляется к дворцу Лобсоголдой мангадхая, запись заканчивается. По словам Сергея Петровича, сказитель оборвал повествование и ушел. Вновь встретиться с ним и завершить запись не удалось.

Имеется еще один вариант улигера «Хухэрдэй Мэргэн» [28]. Улигер атрибутирован не полностью, имеется только указание, что текст записан А. Шадаевым (вероятно, Аполлоном Иннокентьевичем Шадаевым, писателем, драматургом, собирателем фольклора) и отредактирован писателем Хоца Намсараевым, одним из основоположников бурятской литературы. Нет никаких сведений о сказителе, характере исполнения, месте и времени записи. Редактура Х. Намсараевым очень заметна: грамматические формы максимально приближены к бурятским литературным нормам, отмечена замена диалектизмов, диалектных выражений как в отдельных случаях, так и в устоявшихся эпических формулах. Судя по сюжету, почти не отличающемуся от болдоновского и бардахановского вариантов, улигер мог быть также записан у кудинских бурят. Единственное сюжетное отличие – он логически доведен до конца. После победы над Лобсоголдоем Хухэрдэй Мэргэн собирает свое имущество, возвращается к жене, находит мать, и они живут счастливо. Но поскольку невозможно восстановить полевую запись улигера, которая, вероятнее всего, утеряна либо хранится в недоступном личном архиве писателя А. И. Шадаева, то сложно судить об особенностях текста, подвергнувшегося профессиональной литературной обработке.

Несколько иной сюжет у улигера «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн» («Ездящий на сивом коне парень Хухэлдэй Мэргэн»²) [29]. Улигер был записан С. П. Балдаевым со слов Михаила Петровича Балдаева в феврале 1930 г. в улусе Хохорск Готольского булука Боханского аймака БМАССР³. Рукописный текст записан карандашом на плотной желтоватой бумаге и, очевидно, переписан набело собирателем с полевой записи. Всего насчитывается 42 листа записи. Текстовый материал нумерован самим собирателем с разбивкой на десятистишия. На первом листе дается название улигера: *Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн (Эдэйн бурядай үльгэр)*; на последнем листе даны сведения о количестве строк, о времени и месте фиксации улигера, имени и профессии исполнителя. Сведения или заметки о характере исполнения эпоса отсутствуют.

Данный улигер полностью посвящен героическому сватовству и женитьбе главного героя и его перипетиям на этом пути. Богатырь Хухэлдэй Мэргэн одинок (распространенный в мировом фольклоре мотив одиночества героя), не упоминаются его родители, но при этом есть два дяди и тетя, жена одного из них. Он решает жениться и отправляется за невестой, преодолевает в пути ряд препятствий, побеждает разнообразных чудовищ (Зуман Хара *шутхэра*, черную

¹ Далее – «Хухордой Мэргэн».

² Далее – «Хухэлдэй Мэргэн».

³ По современному административному делению – с. Хохорск Боханского района Иркутской области.

женщину *Хагшá*, гигантских лягушек и змеиноного царя, девушку – злого духа, оскверняющую небеса), помогает другим людям, приобретает побратима-богатыря. Добравшись до будущего тестя, он побеждает в брачных испытаниях и получает невесту. После свадьбы он возвращается домой вместе с женой. На обратном пути его отравляют коварные дяди, решившие присвоить его имущество. Его тело уносит конь и воскрешает жена.

Улигеры подобного типа немало. В эхирит-булагатской традиции, сохранившей архаичные черты, герой погиб бы еще до совершения всех подвигов, и невесту-воскресительницу ему привезла бы сестра-богатырка. В развитом унгинском эпосе сюжет был бы дополнен нападениями врагов – чудовищ-мангадхаев, чужеземных ханов и богатырей, и борьбой героя, а потом и его сыновей с ними. «Хухэдэй Мэргэн» же представляет собой наиболее простой и ранний тип улигеров, посвященных героическому сватовству, который, тем не менее, содержит более поздние включения и в какой-то мере демонстрирует динамику архаических мифологических представлений бурят. Так, подвигом и основной целью, движущей улигерное действие, является женитьба богатыря, представляющего собой квинтэссенцию представлений об идеальном представителе рода. События происходят в начале времен, и герой сражается с мифологическими чудовищами, а не с людьми, т. е. противопоставлен мир людей и мир иной, мир злых духов и чудовищ. Однако уже нет сестры-богатырки, совершающей все подвиги вместо брата и устраивающей ему брак по экзогамным нормам, что отражало древнейшие представления предков бурят. И роль женщины в целом минимизирована. В сюжете действуют дяди, имена которых заимствованы из унгинской версии Гэсэриады, и конфликтная ситуация, связанная с их недовольством и отравлением племянника, отражает меняющиеся социально-экономические реалии патриархально-родового общества.

Таким образом, улигеры о Хухэдэй Мэргэне бытовали и, по всей видимости, были довольно популярны на правобережье Ангары у кудинских и боханских бурят, однако и на левобережье, где процветала богатейшая развитая унгинская эпическая традиция, этот герой был известен. Также Сергеем Петровичем Балдаевым от сказительницы Архинши Барбарьевой в январе 1942 г. в улусе Узур-Тангад Нукутского аймака Иркутской области был записан улигер «Хухосэй Мэргэн» («Хүхөөсэй Мэргэн»). Текст улигера дан в подробном изложении на русском языке в книге Д. А. Бурчиной «Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов» [9, с. 369–390]. Богатырь Хухосэй Мэргэн живет на заре времен в прекрасном дворце вместе с отцом и матерью. Осмотрев свои тучные стада и табуны, герой решает жениться, чтобы было кому унаследовать его добро-богатство. Он узнает имя суженой из Книги судьбы и, посоветовавшись с родителями, выезжает за ней. В пути ему встречаются различные препятствия, которые он преодолевает сам или при помощи чудесного верного коня: едва спасается от демонической девицы с клювом и железными когтями, оживляет погибших живой водой, одолевает чудовищ – Семидесятипятиголового Данъял мангадхая и Девяностопятиголового Ербэд мангадхая. Доехав до ханского дворца, он принимает участие и побеждает в трех традиционных состязаниях женихов и женится на красавице Унтан Дурай. Вернувшись в родные земли, они с женой живут счастливо и мирно, но прибывает младшая небесная сестра-кукушка Абай Гэсэр Богдо и велит богатырю разузнать, что происходит у Ганга Бурэд хана (видимо, здесь под ним подразумевается один из самых сильных врагов Гэсэра Гал Дулмэ хан). Хухосэй Мэргэн отправляется во владения Ганга Бурэд хана и, приняв облик нищего попрошайки, разведывает, что происходит у врага. Затем, вернув свой истинный вид, побеждает в схватке Желтого мангадхая и отправляется домой. По пути помогает гигантской птице Хан Хэрдэг одолеть ее противника Желтого змея Абарга и становится с ней побратимами. Вернувшись домой, узнает радостную весть, что жена ждет ребенка, живут счастливо.

Сюжет улигера отчетливо делится на две части: первая посвящена традиционному сватовству героя и его подвигам на этом поприще, вторая, как и в предыдущих улигерах, связывается с именем Абай Гэсэра и также содержит незавершенную линию с логическими несостыковками,

напоминая этим рассмотренные ранее варианты «Хухэрдэй Мэргэна». Остается неизвестным, доложил ли герой обо всем увиденном Гэсэру, и почему именно к нему прилетела младшая сестра-кукушка, хотя ни в зачине, ни в первой части герой никак не связывается ни с Гэсэром, ни с небесами. Он представлен обычным земным богатырем с обычными родителями, все устремления и действия которого традиционны и укладываются в нормы родового коллектива. По сути, это тот же простой и самый древний тип сюжета о сватовстве, что и в «Хухэлдэй Мэргэне», с которым сконтаминирован более поздний сюжет о воинских подвигах.

Заключение

Мифологический образ Хухэрдэй Мэргэна у западных бурят сконцентрировал в себе черты охотника, первопредка, почитаемого охотничьего и военного божества и бога-громовника. Мифологическая ипостась Небесного Охотника не реализуется в эпических сюжетах. В эпической традиции Хухэрдэй Мэргэн раздваивается, выступая в роли громовника и героя-богатыря (иногда в одном и том же улигерном сюжете) и, по мнению исследователей, является прототипом героя-божества, содержащим в себе концепт сына неба, характерный для центральноазиатской фольклорно-мифологической традиции, ярчайшим представителем которого стал Гэсэр.

Улигеры о Хухэрдэй Мэргэне, записанные у боханских, кудинских и унгинских бурят, свидетельствуют о том, что этот персонаж был популярен и распространен у всех групп западных бурят. Основные сюжетные линии этих улигеров мало чем отличаются друг от друга, но разные предыстория и финал задают повествованиям различное восприятие. «Хухэлдэй Мэргэн» представляет ранний тип улигеров о героическом сватовстве, сохранив мифологического героя-одиночку, в котором сконцентрированы черты первопредка, культурного героя и идеализированного члена патриархально-родового коллектива. Сюжеты разных вариантов «Хухэрдэй Мэргэна» и «Хухосэй Мэргэна» сохранили свое древнее «ядро», сконтаминировавшись с сюжетами о воинских подвигах, и именно на их основе можно сделать заключение о трансформации мифологических образов, смене героев, усложнении и циклизации эпических сюжетов.

Литература

1. Бертагаев Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – С. 90–109.
2. Неклюдов С. Ю. Небесный охотник в мифах и эпосе тюрко-монгольских народов // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: тезисы докладов девятой научной конференции (Ленинград, 1980). Ч. 1. – Москва : Наука, 1980. – С. 145–155.
3. Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. – Москва : Индрик, 2019. – 520 с.
4. Поппе Н. Н. Некоторые проблемы бурят-монгольского героического эпоса // Известия Академии наук СССР. – 1940. – № 2. – С. 3–11.
5. Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-булагатский вариант). Ч. 1 / подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова. – Улан-Удэ : Типография Министерства культуры БурАССР, 1961. – 231 с. (На бурятском и рус. яз.)
6. Уланов А. И. К характеристике героического эпоса бурят. – Улан-Удэ : Бурят-Монгольское кн. изд-во, 1957. – 171 с.
7. Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. I. Произведения народной словесности бурят. Вып. III. – Петроград : Типография Российской академии наук, 1918. – 180 с. (На бурятском и русском яз.)
8. Дугаров Б. С. Хухэрдэй Мэргэн: феномен божества-героя // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – 2011. – № 10. – Вып. 4: Востоковедение. – С. 60–64.
9. Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск : Наука, 2007. – 544 с.
10. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. III. / под редакцией Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004. – 312 с.

11. Бакаева Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 // *Oriental Studies*. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 661–687. – DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-368-384.
12. Несказочная проза алтайцев / составители : Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. – Новосибирск : Наука, 2011. – 576 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30). (На алтайском и рус. яз.)
13. Мифы, легенды, предания тувинцев / составители : Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. – Новосибирск : Наука, 2010. – 372 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28). (На тувинском и рус. яз.)
14. Ксенофонов Г. В. Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1928–1929 гг.). – Якутск : Творческо-производственная фирма «Север-Юг», 1992. – 318 с.
15. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – Москва : Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1973. – 474 с. – (Эпос народов СССР). (На алтайском и рус. яз.)
16. Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 / под редакцией Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004. – 508 с.
17. Балдаев С. П. Избранное. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1961. – 255 с.
18. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. – Москва : Наука, 1978. – 128 с.
19. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск : Наука, 1987. – 288 с.
20. Вселенная сибирского шамана. История. Легенды. Обряды. Репринтное издание работ Б. Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. – Иркутск : Иркутский областной краеведческий музей, 2014. – 328 с.
21. Балдаев С. П. Происхождение грома и молнии // ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Ф. 36. – Инв. № 1254. – 8 л.
22. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. – Москва : Наука, 1991. – 298 с.
23. Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское республиканское кн. изд-во «Юч-Сюмер», 2001. – 222 с.
24. Хүхэрдэй Мэргэн. Зап. С. П. Балдаева от неизв. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Ф. 36. – Оп. 1. – Инв. № 264. – 88 л. (На бурятском яз.)
25. Хүхэрдэй Мэргэн. Зап. С. П. Балдаева от Б. Болдонова в 1941 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Ф. 36. – Оп. 1. – Инв. № 266. – 58 л. (На бурятском яз.)
26. Хүхэрдэй Мэргэн (Гэсэри эхэ баатар). Зап. С. П. Балдаева от Л. Бардаханова // ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Ф. 36. – Оп. 1. – Инв. № 290. – 67 л. (На бурятском яз.)
27. Хүхэрдэй Мэргэн. Зап. С. П. Балдаева от Л. Бардаханова // ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Ф. 36. – Оп. 1. – Инв. № 265. – 65 л. (На бурятском яз.)
28. Хүхэрдэй Мэргэн. Зап. А. Шадаева // ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Общий фонд. – Инв. № 1242. (На бурятском яз.)
29. Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн (Эдэйн буярадай үльгэр). 1930 год. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Ф. 36. – Оп. 1. – Инв. № 301. – 42 л. (На бурятском яз.)

References

1. Bertagaev T. A. Internal reconstruction and etymology of words in the Altai languages. In: *Problems of the community of the Altai languages*. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad branch, 1971, pp. 90–109. (In Rus.)
2. Neklyudov S. Yu. The heavenly hunter in the myths and epic of the Turkic-Mongolian peoples. In: *Theoretical problems of studying the literatures of the Far East. Abstracts of the Ninth Scientific Conference* (Leningrad, 1980). Part 1. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 145–155. (In Rus.)
3. Neklyudov S. Yu. Folklore landscape of Mongolia. Myth and ritual. Moscow, Indrik Publ., 2019, 520 p. (In Rus.)
4. Poppe N. N. Some problems of the Buryat-Mongolian heroic epic. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR*. 1940, no. 2, pp. 3–11. (In Rus.)
5. Abaj Geser-hubun: An Epic (Ehirit-Bulagat variant). Part 1. Prep. the text, transl. and note by M. P. Homonov. Ulan-Ude, Printing house of the Ministry of Culture of the BurASSR, 1961, 231 p. (In Buryat and Rus.)

6. Ulanov A. I. On the characteristics of the heroic epic of the Buryats. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian Publ. House, 1957, 171 p. (In Rus.)
7. Samples of folk literature of the Mongolian tribes. Texts. Vol. I. Works of folk literature of the Buryats. Iss. III. Petrograd, Printing House of the Russian Academy of Sciences, 1918, 180 p. (In Buryat and Rus.)
8. Dugarov B. S. Huhedej Mergen: the phenomenon of the hero-deity. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series : History, Philology*. 2011, vol. 10, iss. 4: Oriental Studies, pp. 60–64 (In Rus.)
9. Burchina D. A. The heroic epic of the Unga Buryats: an index of works and their variants. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007, 544 p. (In Rus.)
10. Hangalov M. N. Collected works: in 3 vols. Vol. III. Ed. by G. N. Rumyantsev. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2004, 312 p. (In Buryat and Rus.)
11. Bakaeva E. P. Veneration of the Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: ancient beliefs and later buddhist additions. Part 2. *Oriental Studies*. 2020, vol. 13, no. 3, pp. 661–687. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687. (In Rus.)
12. The non-fairytale prose of the Altaians. Ed. by N. R. Ojnotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 576 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 30). (In Altai and Rus.)
13. Myths, legends and stories of the Tuvians. Ed. by N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, J. M. Yusha. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 372 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 28). (In Tuvan and Rus.)
14. Ksenofontov G. V. Shamanism. Selected works (Publications 1928–1929). Yakutsk, Creative production company “Sever-Yug”, 1992, 318 p. (In Rus.)
15. Maadai-Kara. Altai heroic epic. Moscow, Main Editorial Board of Oriental literature, Nauka Publ., 1973, 474 p. (Epic of the peoples of the USSR). (In Altaic and Rus.)
16. Hangalov M. N. Collected works : in 3 volumes, vol. 1. Ed. by G. N. Rumyantsev. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2004, 508 p. (In Buryat and Rus.)
17. Baldaev S. P. Favorites. Ulan-Ude, Buryat Publ. House, 1961, 255 p. (In Rus.)
18. Manzhigeev I. A. Buryat shamanistic and pre-Shamanistic terms. The experience of atheistic interpretation. Moscow, Nauka Publ., 1978, 128 p. (In Buryat and Rus.)
19. Mikhailov T. M. Buryat shamanism: history, structure and social functions. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 288 p. (In Rus.)
20. The universe of the Siberian shaman. History. Legends. Rituals. Reprint edition of B. E. Petri’s works on ethnography from the collection of the Irkutsk Regional Museum of Local History. Irkutsk, Irkutsk Regional Museum of Local History Publ., 2014, 328 p. (In Rus.)
21. Baldaev S. P. The origin of thunder and lightning. In: Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS. Fund 36, Description 1, inv. 1254, 8 l. (In Buryat and Rus.)
22. Dugarov D. S. Historical roots of white shamanism. Based on the material of the ritual folklore of the Buryats. Moscow, Nauka Publ., 1991, 298 p. (In Rus.)
23. Dyakonova V. P. Altaians (materials on ethnography of the Telengites of the Altai Mountains). Gorno-Altai, Gorno-Altai Republican Book Publ. House “Yuch-Sumer”, 2001, 222 p. (In Rus.)
24. Huherdej Mergen. Writ. by S. P. Baldaev from unknown. In: Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS. Fund 36, Description 1, inv. 264, 88 l. (In Buryat)
25. Huherdej Mergen. Writ. by S. P. Baldaev from B. Boldonov in 1941. In: Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS. Fund 36, Description 1, inv. 266, 58 l. (In Buryat)
26. Huhordoij Mergen (Geseri jehe baatar). Writ. by S. P. Baldaev from L. Bardahanov. In: Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS. Fund 36, Description 1, inv. 290, 67 l. (In Buryat)
27. Huhordoij Mergen. Writ. by S. P. Baldaev from L. Bardakhanov. In: Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS. Fund 36, Description 1, inv. 265, 65 l. (In Buryat)
28. Huherdej Mergen. Writ. by A. Shadaev. In: Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS. General Fund, inv. 1242. (In Buryat)
29. Hujlen huhe mor’toi Huheldej Mergen hubuun (Edejn buryaadaĵ ul’ger). 1930. In: Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS. Fund 36, Description 1, inv. 301, 42 l. (In Buryat)